

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ

Сулейман СТАЛЬСКИЙ

Горькому

Я не забуду никогда Тебя, Великий Горький! Ты — путеводная звезда Моя, Великий Горький! Твой ум глубок, как недра гор. Как мед, твой сладок разговор. Ты песен распознал узор Моих, Великий Горький! Я пил слова твои, как мед, Следил я дум твоих полет. Ты — новый солнечный восход Во мне,

Великий Горький! Но от тревоги я страдал, Что ты болел, что ты устал, Когда меня ты принимал В Москве, Великий Горький! Ты — наш бедняцкий великан, И понял жизни океан. Стал молод Стальский Сулейман С тобой, Великий Горький! Перевел с лезгинского ЕВГЕНИЙ СОКОЛ.

Федор ГЛАДКОВ

Непримиримый и гневный боец

Горький умер! Нет больше с нами Алексея Максимовича! Какой потрясающий смысл в этих словах! Невозможно примириться с мыслью, что Горького не стало. Ушел гениальный творческий гений, гений художественного слова. Ведь это же был могучий вождь нашей литературы, мудрый учитель и проникновенный воспитатель нескольких поколений писателей нашей страны. Нет ни одного литератора, ни одного более или менее активного борца за советское искусство, который не прошел бы через любовное и пристрастное руководство Алексея Максимовича. В истории русской литературы за последние полвека нет такого художника, кроме Льва Толстого, который бы пользовался таким обаянием и непререкаемым авторитетом, как Максим Горький. Так же огромно и его мировое значение.

Нет у меня слов для того, чтобы выразить мою необъятную скорбь о потере Алексея Максимовича. Тридцать лет моей литературной жизни были связаны с его именем: он был мой вернейший учитель, выскальщик, строгий, ласковый и проникновенный. Лично для меня его смерть — невыразимая горе.

В дни моей ранней юности, в девятидесятых годах, Горький загремел внезапно — дерзко, вихором, внезапно. Он шел, как бесстрашный трибун, с необыкновенным голосом, с пламенными призывами к борьбе и свободе, кахих до него не слышали никогда. Имя Горького тогда было овеяно легендой, и это имя ослепительно свержало до последних дней. Я знаю: о Горьком будут написаны поэмы такой же красоты, какие он писал о необыкновенных людях своей эпохи.

Он всегда был боец, непримиримый и гневный. И как боец он великолепно пользовался всеми родами литературного оружия. Колоссальный художник, он с неотразимым мастерством владел таким метательным оружием, как публицистика, будь это статья или очерк, или письмо — к рабочим, к колхозникам, к писателям, к детям. Его ожесточенная борьба с интервентами, с фашизмом, со всякого рода вредителями и врагами была сокрушительна.

Мы, советские писатели, должны неустанно учиться у него литературной стратегии. Своей жизнью и напряженным трудом он учил нас, как организовать и воспитывать массы, как утверждать и мудро осмысливать творческую нашу действительность. Горький являлся, как буревестник революции, с первыми шквалами пролетарской борьбы, и он же, как друг Ленина и Сталина, продолжал свои великие

творческие бои за создание новой, счастливой жизни, о которой веками мечтало человечество, — за бесклассовое социалистическое общество. Он умел безгранично любить, умел и страшно ненавидеть.

Как восторженно любил он нашу чудесную молодежь! Юношеское дерзновение, величавое стремление вперед и выше, пламенный мятеж против мешанского покаяния — вот в чем была его сверкающая красота.

Читаешь и перечитываешь его письма и волнуешься: почти в каждом письме — призыв к творчеству, к неустанной борьбе за новое, и никогда он не забывает сказать о молодежи. «Эта порога восхищает меня. Вот, например, сегодня получил из Башкирии письмо от 16-летнего парня. Пишет смело, грамотно, своими словами, и, что всего лучше, уж многое в прошлом непонятно и даже враждебно ему. А враждебно как раз то самое, что и должно быть таковым для человека».

«... Очень верно, — пишет он в 1927 году, — что поколение, вступившее на смену моему, «выравнивается» и воспитает себя шире, глубже, лучше нас. За это говорит эпоха, насыщенная трагическими вопросами и задачами, поставленными в разрешении с жесткостью и настойчивостью, которую еще не бывало. У нас любил утрировать Тютчев: «Блажен, кто познал в мир в его минуты роковые...» — в качестве зрители. Ныне эпоха внушает: будьте деятелями. И будут! Это и воспитает каких-то новых людей, не похожих на нас».

Да, наша эпоха действительно воспитала таких людей.

Последние сорок лет нашей литературы тесно связаны с именем Горького. Этот исторический период по праву должен именоваться горьковской эпохой в развитии нашей литературы. Горький ковал ее, Горький насыщал ее своим революционным пафосом.

Алексей Максимович ушел от нас навсегда. Но Горький бессмертен в своих нетленных творениях, и его заветы будут неугасимо гореть на пути нашей в будущее. Наша литература — боевая, наступательная, созданная революционным пролетариатом и нашей партией, как острое оружие в боях за социализм. Она — вся овеяна дыханием Горького. Сплотится же теснее у гроба любимого Алексея Максимовича для дальнейшей борьбы за торжество социалистического искусства под могучим водительством нашей великой партии и гениального вождя, товарища Сталина.

Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Горячий друг детей

Давно это было — двадцать девять лет назад. В Баку в 1907 году небольшая группа революционно настроенных интеллигентов разных национальностей устроила школу для своих детей. В этой школе господствовал совсем другой дух, чем в казенных царских школах. Школу эту прозвали «школой шалунов». Когда в 1909 г. в Мессине (Италия) произошло землетрясение, ученики «школы шалунов» собрали между собой 15 рублей и направили их в Алексею Максимовичу Горькому, жившему тогда в Италии, вместе с письмом за 12 подписями и со своей общей фотографией. Через некоторое время они получили от Горького письмо следующего содержания:

«Дорогие дети!

Я получил собранные вами деньги для бедных и сердечно благодарю вас за всех, кому вы помогли. От души желаю вам, хорошие маленькие люди, будьте здоровы так же, как и я, и отныне в чужом городе, как вы были в этом случае. Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям. Вас — 12. На память об Италии, прекрасной стране, которую я желаю вам увидеть когда-либо, посылаю вам ложечку оторочек. Будьте здоровы, любите друг друга и побольше делайте шалостей. Когда будете старчиками и старушками, станете с веселым смехом вспо-

минать о шалостях. Крепко жму ваши лапки. Да будут они честны и сильны по все дни жизни вашей... М. Горький.

(На обороте) Могу ли напечатать ваш снимок в итальянских газетах? Сообщите мне это.

А. П. (Ешков).

Это нежное и проникновенное горячее письмо Алексея Максимовича вызвало у детей восторг радости. Они стали писать ему ответные письма. В письмах они прикладывали свои рисунки, а затем отправляли ему журнал, который они издавали на деньги Горького. А. М. Горький вскоре ответил детям следующим замечательным письмом: «Джери, Лиза, Вито, Эльза, Феде, Дие, Лене, Марк, Меме, Шуре, Ирене, Павлу, Норе, Феде, Боре, Гюшту — привет!

Поздравляю с хорошим праздником! Желаю вам веселиться до упаду. Мне хотелось напомнить вам, хорошие человечки, о себе, и вот я призываю послать девочкам рамок, а мальчикам — коробики из дерева работы бедных крестьян. Если эти штуки поправятся вам, я буду рад, а если вы мне еще раз напишете письмами, так это уж будет праздник для меня.

На рамках и коробках я сделал надпись: «Хорошим праздником здесь А. М. Горький назвал Первое мая».

Пионерам своего отряда.
Баумановского района.
Редька!
Пришли к вам не могу. Очень сожалею об этом, но — времени у меня свободного совершенно нет.
Что можете вы?
Меня, кто каждый из вас прожил такую же интересную жизнь, как вы проживаете и доживаете свою.
Особенно радостно и радостно доживать мои года и это потому, что в мир так много входит, что так весело, смело, так разумно входит в мир вы, на смену старикам.
Не бойтесь, ребята, действительности, не склоняйте перед ней головы, вы призваны в жизнь не для того, чтобы подчиняться старому, а чтобы создавать новое, разумное, светлое.
Привет!
А. М. Горький

Ребята! Пришли к вам я не могу. Очень сожалею об этом, но — времени у меня свободного совершенно нет. Желаю, чтоб каждый из вас прожил такую же интересную жизнь, как вы проживаете и доживаете свою. Особенно счастливо и радостно доживать мои года и это потому, что в мир так много входит, что так весело, смело, так разумно входит в мир вы, на смену старикам. Не бойтесь, ребята, действительности, не склоняйте перед ней головы, вы призваны в жизнь не для того, чтобы подчиняться старому, а чтобы создавать новое, разумное, светлое.
Привет!
А. М. Горький

ПИСЬМО ДЕТЯМ

Учасьшиеся нашей 16-й образцовой средней школы Бауманского района Москвы очень любят Алексея Максимовича Горького. Ребята зачитывают его произведения и заучивают отдельные отрывки наизусть.

В 1929 году, окончив учебу, наши пионеры захотели пригласить к себе в лагерь любимого писателя. Пионерка Шура Синяева и Маша Рылова, из лучшего первого звена сотового отряда, отправились к Алексею Максимовичу. Он очень радостно встретил девочек, посадил их, просил чувствовать себя, как будто они его родные дочери, и подробно рассказывать, как они учатся, давно ли пионеры, как работает отряд и т. д.

Девочки подробно рассказали великому писателю о себе, о своих товарищах, о школе, об отряде, о том, что сотый отряд взял шефство над ребятами из соседнего детского санатория и настоял на том, чтобы этому санаторию было присвоено имя Горького.

Когда пионеры возвратились в школу, рассказам не было конца. Каждый старался узнать подробнее о встрече с Алексеем Максимовичем, о том, что он говорил, как он выглядел, как одет. Всех волновал вопрос, придет ли Алексей Максимович в лагерь? Вскоре ребята получили ответ. Хотя Алексей Максимович сообщил, что быть у детей он не может, так как очень занят, письмо всех очень обрадовало, ребята прочитывали его по нескольку раз и старались запомнить каждое слово.

Узнав о смерти Алексея Максимовича, опечаленные ребята бережно взяли в руки уже пожелтевшее письмо и вновь перечитывали его. Маленькие октябристы со слезами читали письмо у себя на сборе. Все школьники из 3-го класса все уже читали «Мать» и многие рассказы Горького. Они очень много о нем знают. Когда отличник Лена Спирин увидела подлинное письмо Алексея Максимовича, он рассказал на сборе о том, какое большое впечатление произвела на него смерть Горького, и просил, чтобы письмо прочитали еще и еще раз.

В то время как письмо Алексея Максимовича перечитывалось и переходило от одного школьника к другому, в 10-м классе провозились испытания по истории. Ученица Соня Ц., смущенная присутствием ассистентов, расплакалась, отказалась отвечать и вышла из класса. В коридоре ее начали утешать педагоги и подружки Соня плакала и не успокаивалась. В это время кто-то показал девочке письмо Горького. Мудрые, простые слова сильно подействовали на Соню. Она поняла свою слабость и сказала: — Разрешите мне опять пойти в класс сдавать испытания... Ребята бережно хранят адресованные к ним строки Алексея Максимовича, который учит «создавать новое, разумное, светлое».

ШУРА ПОПОВА,

старшая вожатая октябрист 16-й образцовой школы Бауманского района Москвы.

А. М. Горький среди детей советской колонии в Берлине. Фото СОЮЗФОТО.

си, кому какую. Но, вероятно, я сделал это плохо, и вы не обращайте внимания на эти наплевисты. Хорошо? Боюсь также, что я перепутал: очень трудно разобрать по фотографии, которые из вас господа, а которые госпожи: вы все такие курносые.

Мне хочется послать вам бедных рамок для музея, о котором писал мне Вито, и я, наверное, сделаю это, спустя некоторое время.

Получив ваши письма, я хохотал от радости так, что все рыло высушило нос из воды — в чем дело? Я объяснил им, что на берегу другого моря живут слабые люди: они еще маленькие, но я уверен, что и большими они будут хороши. Вот почему мне радостно.

В чем я слаб, так это в употреблении букв «я» и «и». Только вы никому не говорите об этом. Эта буква всегда меня смущает, и когда дело доходит до нее, я чувствую себя так, точно мне не сорок, а

пять, и меня нельзя читать — вот я запечатал это письмо на машинке. Сами-то вы хорошо пишете! Подождите-ка, я приберегу ваши письма и лет этак через двадцать покажу вам их — хорошие словечки прочтаете вы там! Например, позвольте спросить, что такое «перепалка»? «Линия»? «Южная»? «Спиталка»? Ж-я-то не поверю так умело русский язык, как вы это делаете!

Здесь Алексей Максимович пишет так потому, что в некоторых письмах «шаловники» упрекали его в том, что он плохо пишет, пожалуй, хуже, чем они.

Далекие дни детства

(По телефону из г. Горького)

Яркая, замечательная жизнь великого пролетарского писателя тесно связана с городом, носившим теперь его имя. Здесь он родился, здесь прошла его детство, здесь, когда-то после смерти матери скупой и сердитой деда ворчался заявил внуку: — Ну, Лексей, ты — не медаль, на шею у меня — не место тебе, а или-ка ты в люди...

Маленькие умирающие деревенские домики и улицы, неузнаваемо изменившие свой облик, хранят память о любознательном и живом мальчугане, ставшем замечательным писателем, борцом и революционером.

В одном домике бывшего Канарина на Коммунистической улице живет Иван Максимович Сапожников, старый производственный и ударник, бригадир, малый трамвайного парка. Много лет назад, когда Иван Максимович бегал с товарищами по улицам, одним из хороших друзей его был Алеша Пешков, живший с матерью почти рядом с теперешним домом Сапожниковых.

Угощая нас своим особым чаем из трав, за которыми старик ходил за 20 километров, и показывая старые бумаги и книги, Иван Максимович рассказывает:

— Помню, сильно дружили мы, влился в компанию: Мачин Вася, Алеша Пешков, Федька Комозок, Вася Комозок, Гришка Гурка да я... Меня тогда еще Иван Малугинский звали, по дедушке. Это уже позднее, когда в училище поступил, стада у меня фамилия натуральная — Сапожников.

Мы с Алешей дружили были. Он вот тут рядом с матерью жил, в бане. Нужда была сильная... Бывало пойдем с ним за шпательный завод рыть кости на Бобыльской яме, высокий такой бугор из песка так назывался. Нарodem мочок костей, салею на мешок-то, да с горы по песку с сажеем сажеей на 20 пядей. Давали нам скупшники по двугривенному за пуд. Вместе с Алексеем Максимовичем и учились мы в одной школе. Здесь же на нашей улице частное училище было. Отставной офицер Иван Андреевич Молниев основал это училище и учил в нем самолетов. Знали мы его — «братан губа». На ту пору никто не брался, борды отускали, а он постоянно брызгал. Он знал про прозвище это, злился — беда.

С Алешей в училище интересный случай произошел. Одна раз ушла на перемену Молниев к себе наверх (он во втором этаже жил), а Алеша мелем на двери стал писать стихи: «Вот и пролетит...»

Дверь открывается, Братан губа является, Того ученикам ругается...

И еще что-то... а тут и Молниев появился... — Это что такое? Твоя проделка!

Позеленел Молниев весь от злости и говорит:

— Неожидательный мальчик ты. Можешь идти, и в школу больше не являйся.

Так и исключили Алешу из школы. После того нежного времени прошло. Вышла мать замуж за кассира железной дороги Максимова, а Алеша переехал на Ковалевку к деду.

Знаю учениками и сейчас село здесь, только уж дом теперь пуст — больше 40 лет этого училища не существует.

И. ФРИДЛАНД.

всего четыре года. Даже в словах «пить», «копать», «понять» мне чудится это «ять», отчего бывает, что я пишу вместо «пить» — «петь».

С какой большой радостью повиделся бы я с вами, милые дети, как славны мы бы поиграли и сколько я мог бы рассказать забавнейших вещей! Я хотя и не очень молод, но нескудный парень и умею недурно показывать, что делается с самоваром, в который положили горячих углей и забыли налить воду. Могу также показать, как ленивая и глупая рыба «перья» берет наживу с удилища, и много других смешных вещей. Я очень люблю играть с детьми: это старая моя привычка. Маленький, лет десяти, я нянчил своего братишку — он умер. Потом я нянчил еще двух ребят, и, наконец, когда мне было лет 30, я собирал по праздникам ребятшек со всей улицы, на которой жил, и уходил с ними в лес на целый день, с утра до вечера. Это было славное, знаешь ли! Детей собиралось до 60. Они были маленькие, лет от четырех и не старше десяти; бегая по лесу, они часто, бывало, не могли уже идти домой пешком. Ну, у меня для этого было сделано такое кресло, я привязывал его на спину и на плечи себе, в него садился уставшие, и я превозмогал тащил потом домой. Чувство! Хорошее было время! Мне приятно вспомнить о нем.

А потом я сделался писателем. Это очень трудное дело, хотя я и люблю это. Трудно оно больше всего потому, что эти взрослые люди, которые читают книжки, должны быть забывчивы, что писатель — тоже человек, и разглядывают его так, как будто он — четвероногая рыба или крылатый козел. Это очень мешает жить, об-

зывает любезно улыбаться, когда совсем не хочется улыбаться, и все время необходимо вежливо говорить взрослым:

— Благодарю вас за внимание, я весьма польщен.

И думать про себя: «Желаю вам от всей души, чтобы у вас заболел зуб!».

Так-то, дорогие друзья мои. Ирена просила, чтобы я написал письмо для детей. Я попробовал, и оказалось, что не умею.

Назате ли вы свой журнал? Если кроме 1-го номера были еще, пришлите, пожалуйста, мне.

Я попытаюсь написать для вас сказку. (Здесь указан адрес).

Пшите мне, если захочется, прямо так (здесь указан адрес).

Будьте здоровы и не сорейтесь часто. Эти сорья, я вам скажу, ужасно мешают жить весело.

М. Горький.

Вместе с этим письмом А. М. Горький прислал детским много игрушек: старую изюбку, которые, конечно, называли величайшим восторгом среди них.

Письма гениального писателя-борца и горячего друга детей несомненно сыграли свою роль в формировании впоследствии революционного сознания учеников «школы шалунов». Нам, например, известно, что один из них, Вито, погиб на казачьем фронте во время гражданской войны в борьбе с белыми. Там же были расстреляны белыми два других школьных товарища Вито.